

УДК 811.111'282.2(73)
ББК 81

ИРРЕАЛЬНОСТЬ В РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ

Е. Н. Подтележникова, А. В. Штапов
Воронежский государственный университет

IRREALITY IN RUSSIAN FAIRY TALES

E. N. Podtelezhnikova, A. V. Shtapov
Voronezh State University

Поступила в редакцию 17 июля 2019 г.

Аннотация: целью статьи является описание категории ирреальности в русских народных сказках. Наличие фантастического, нереального в сказках относительно. С одной стороны, для сочинителя и рассказчика сказки коммуникация «человек – животное», «человек – предметы быта», наличие определенных свойств предметов (передвижение по воздуху, исчезновение и др.) не является аномальным, так как отражает архаическое мировосприятие. С другой стороны, для современного слушателя и читателя все это представляется, несомненно, фантастическим. Следовательно, для изучения категории ирреальности в сказках необходим особый подход. Материал исследования был получен при анализе 1396 русских народных сказок и составил 398 примеров маркеров ирреальности. Используя типологию Е. С. Поповой, в сказках были выделены маркеры ирреальности лексического и грамматического уровней. Как показало исследование, в волшебных сказках количество маркеров ирреальности на порядок выше, чем в бытовых. Наиболее частотной семантической группой лексических маркеров ирреальности в волшебных сказках является группа «удивление – странность» (вздвигаться, удивиться...), в бытовых – «галлюцинации – видения» (мерещиться, чудиться...). Грамматический уровень в волшебных сказках представлен в большей степени сослагательным наклонением, в бытовых – служебными словами. Таким образом, согласно статистическим данным функционирование маркеров ирреальности в волшебных сказках во многом противоположно таковому в бытовых, что объясняется их особенностями.

Ключевые слова: сказка, категория ирреальности, семантика, грамматика.

Abstract: the aim of the article is to describe the category of irreality in Russian folk tales. For the tale-teller fantastic issues (e.g., communication between humans and animals, humans and artifacts; some abnormal characteristics of artifacts) are quite normal, because of the archaic world perception. But for the modern reader these issues are certainly fantastic. It is obvious that we need a special method to describe the category of irreality in folk tales. The research started with the analysis of 1396 Russian folk tales, where 398 examples of markers of irreality were found. E. S. Popova's classification was used to identify lexical and grammatical markers of irreality. The quantity of markers of irreality in fairy tales is much higher than in everyday tales. The biggest semantic group of lexical markers in fairy tales is "astonishment-strangeness", in everyday tales – "hallucinations-apparitions". The most frequent grammar marker in fairy tales is subjunctive mood, in everyday tales – reserved words. So the study shows that the functioning of markers of irreality in fairy tales is quite opposite to those in everyday tales.

Key words: folk tales, the category of irreality, semantics, grammar.

Одной из задач данного исследования является изучение проблемы маркирования категории невозможного в русских народных сказках. В пространстве языка можно обнаружить миры, которые человек воспринимает как что-то осознаваемое, но в то же

время как нечто, не отражающее окружающую действительность. Наш разум способен выходить за рамки действительности и создавать такие образы, которые можно определить, как «реальность нереального». Близость или отдаленность таких явлений определяется как опытом отдельного человека, так и всего человечества в целом.

С начала XX в. изучение сказки привлекает внимание фольклористов, филологов и лингвистов. В. Я. Пропп в своих работах писал, что для отделения сказки от родственных жанров необходим особый признак, с помощью которого эту самую «разделяющую черту» можно будет провести. В качестве такого признака избирается именно ирреальность сказки и нереальность происходящих в рамках ее событий, что приводит к неверию во все происходящее в сказках. В. Я. Пропп называет это органическим признаком сказки [1].

В своих работах В. Я. Пропп также указывает, что волшебство сказки условно, важнее четкая композиция сказки и структурные признаки, которые исследователь описал в своей работе «Морфология сказки», а не фантастичность, волшебство и чудеса. Также ученый пишет о возможности выделения кластеров мотивов ввиду того, что сказкам свойственна особая композиционная структура [2].

В более поздней работе «Исторические корни волшебной сказки» В. Я. Пропп видит связь между волшебной силой и магической, а также отмечает, что ритуальное убийство, происходящее при обряде инициации, может считаться как «ненастоящее» или «волшебное» только вне ситуации – ученым или другим третьим лицом. Тот, кого иницируют, испытывает происходящее с ним событие как реальную смерть и воскрешение. В. Я. Пропп видит отсылки к истории в образах и ситуациях, так как в таких событиях исторично их появление, которое обусловлено мифологическим мышлением [1].

Однако для известных советских фольклористов Э. В. Померанцевой и Н. М. Ведерниковой одной из главных особенностей сказок является ее выдуманность и нереальность. Э. В. Померанцева считает, что понимание сказочного текста заключается в поэтической фантазии рассказчика и слушателя [3]. Н. М. Ведерникова отмечает, что суть ирреального мира состоит в сюжетном наполнении композиции сказки, так как в сказках почти нет сигналов окружающей нас действительности [4].

Место фантастического в системе литературных жанров и его свойства детально определены в работе Ц. Тодорова «Введение в фантастическую литературу». Ученый писал, что если в реальном мире происходит событие, которое нельзя объяснить с точки зрения его законов, то свидетель события должен решить: либо это обман чувств, игра воображения, и в таком случае законы мира не изменяются, либо событие действительно произошло, и реальность подчиняется законам за гранью нашего понимания. Ц. Тодоров утверждает, что фантастическое существует, пока поддерживается эта неуверенность – как только выбор сделан, мы переходим в соседний жанр. Фантастическое – это та самая неуверенность, кото-

рую испытывает человек, когда он становится свидетелем явления невозможного с точки зрения законов природы [5].

Также Ц. Тодоров пытается дать определение фантастического и нереального: когда происходит необычное явление, его можно объяснить естественными или сверхъестественными причинами. Эффект фантастического создается именно с помощью колебания в выборе объяснения [5].

Однако разграничение миров не является абсолютным, в любом сюжете, пусть даже в самом невероятном и безумном его исполнении, можно найти определенную часть, равноценную реальному миру. Это объясняется тем, что автор сказок не создает образы самостоятельно, а комбинирует и трансформирует их из реального окружающего нас мира [6].

А. П. Бабушкин в работе «Возможные миры в семантическом пространстве языка» выделяет шесть «возможных миров»: ближайший мир, пространство возможного мира, мир «чужих» ролей, мир воображаемых перспектив, мир упущенных возможностей, ирреальный мир. Ирреальный мир исследователь определяет как «мир «иной», построенный на фантазии» [7, с. 42].

Е. С. Попова в своей диссертации «Маркеры ирреальности во французском языке» предлагает выделять несколько уровней ирреального мира: 1) лексический уровень, 2) грамматический уровень, 3) текстовый уровень. На лексическом уровне Е. С. Попова выделяет следующие семантические группы маркеров невозможности: 1) мечты – воображения – сон, 2) галлюцинации – видения, 3) удивление – странность, 4) чудо – волшебство, 5) имена сказочных / мифических персонажей [8].

Грамматический уровень невозможности представлен в русском языке сослагательным наклонением. А. П. Бабушкин считает сослагательное наклонение особой категорией, приоткрывающей завесу возможных миров [7]. А. А. Кретов в своей работе «Невозможное в русском языке» утверждает, что русское сослагательное наклонение находится на стыке с реальным миром и выражает собой действие, которое может произойти при стечении определенных обстоятельств, но именно отсутствие этих обстоятельств характеризует сослагательное наклонение как явление. Исходя из предполагаемых обстоятельств, логика реального мира вполне способна превратиться в логику иного мира [9].

Модальность является связующим фактором при выделении маркеров ирреальности на грамматическом уровне, так как модальность тесно связана с наклонением. Подтверждение этому можно найти в исследованиях О. О. Борискиной, которая утверждает, что ирреальность и модальность имеют непосред-

ственное отношение друг к другу из всех общепринятых грамматических категорий [10].

Рассматривая маркеры ирреальности текстового уровня, А. А. Кретов пишет, что на фоне явного отсутствия указанных средств во многих текстах нарушаются законы окружающего нас мира. Маркеры ирреальности текстового уровня как бы скрыты и неочевидны для сознания человека.

В сказках многие нормальные для автора явления воспринимаются современным читателем как ирреальные, например, персонификация животных и природы. Немаркированность этого явления в пространстве ирреального мира обусловлена тем, что сказки – древние фольклорные произведения, авторам которых не казалась аномальной и ирреальной коммуникация животных между собой, коммуникация между животными и человеком, коммуникация между человеком и природой. Так, например, можно заметить, что во всем известной сказке «Гуси – лебеди» для девочки Машеньки разговоры с рекой, яблоней и печкой не являются чем-то аномальным. Или в знаменитой сказке «Мужик и медведь» ирреальности не наблюдается в следующих строках сказки: «И сказал медведь мужику: “Нет, мужик, теперь я себе возьму вершки, а ты бери корешки”». А. А. Кретов считает, что это обусловлено древностью сказки, а также тем, что авторы сказок ассоциировали себя с природой, и именно поэтому нам такие явления и речевые акты могут показаться аномальными, в то время как для авторов сказок это было приемлемо. Таким образом, текстовым маркером ирреальности может считаться само название фольклорного текста [11].

Одной из задач данного исследования является количественный анализ маркеров ирреальности в русских народных сказках. Материалом исследования послужили 1396 русских народных сказок из следующих сборников: сборник сказок А. Н. Афанасьева; сборник «Великорусские сказки» в записях И. А. Худякова; «Сказки и песни Вологодской губернии», составленные С. И. Минцем и Н. И. Савушкиным; «Сказки Белозерского края» в записях Б. М. и Ю. М. Соколовых; «Поморские сказки» А. П. Разумовой и Т. И. Сенькиной; «Перстень – двенадцать ставешков. Избранные русские сказки Карельского края», собранные К. Чистовой; сборник Е. Н. Ончукова «Северные сказки»; сборник А. Н. Барышниковой; сборник Вологодских сказок Т. А. Кузьминой; сборник Д. К. Зеленина «Великорусские сказки Пермской губернии». Особое внимание было уделено сборнику Воронежских сказок А. К. Барышниковой и А. И. Кретьова «Народные сказки Воронежской области. Современные записи».

Анализ сказок позволил получить базу данных, состоящую из 398 примеров маркеров ирреальности. Количественный анализ показал, что 267 относятся

к маркерам лексического уровня и, соответственно, 131 маркер – к маркерам грамматического уровня. Маркеры текстового уровня обнаружены не были, так как на текстовом уровне само название сказки является ирреальностью [11].

Далее были отдельно проанализированы группы маркеров в волшебных и бытовых сказках. Здесь следует отметить, что под бытовыми мы понимаем сказки, описывающие события повседневной жизни; в них почти нет места чудесам и фантастическим образам. Главные герои бытовых сказок – это муж-крестьянин, старик-крестьянин, жена-крестьянка, старуха-крестьянка, солдат, строптивый купец, жадный поп. Часто бытовые сказки имеют обличительный характер – осуждают жестокость, невежество, ложь, глупость, корысть и зависть духовенства, не следующего священным заповедям.

Маркеры ирреальности лексического уровня в волшебных сказках

Наибольшее количество маркеров ирреальности было обнаружено именно в волшебных сказках: 92 % маркеров, относящихся к семантической группе «удивление – странность», 91 % – «галлюцинации – видения».

В группе «удивление – странность» к маркерам ирреальности относятся слова *удивляться*, *дивиться*, *вздвигаться*, *диво*, *дивный*, *дикий*, *дикий*. Эта семантическая группа выделяется потому, что героям сказки почти несвойственно удивление, и слова из данной группы маркеров почти всегда встречаются именно в аномальных сочетаниях.

«Купцы-корабельщики идут, *дивуются*: на тереме крыша как жар горит...» [Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что].

«Кума с дочерьми своими *удивилась*, задумала унести у старика эту суму и говорит дочерям...» [Двое из сумы].

«Вот сделали они хрустальный гроб – такой *дивный*, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать» [Волшебное колечко].

«Батюшка-государь со своей царицей из утра до вечера ехал по мосту и заслушался, загляделся, какой пречудный мост, какая птица *предивная*» [Кот и кобель].

«В ту пору и король выступил на балкон, глянул в подозрную трубочку и *диву дался*» [Волшебное колечко].

«*Подивовался-подивовался* и хотел было ехать дальше...» [Притворная болезнь].

Обращает на себя внимание наличие в данной группе однокоренных слов, что, возможно, объясняется самой семантикой группы. При этом именно то, что вызывает удивление, признается ирреальным, тогда как странность обладает меньшей степенью ирреальности.

К маркерам ирреальности группы «галлюцинации – видения» были отнесены слова *мерещиться*, *почудиться*, *глазится* (в значении ‘почудилось, показалось’), *бластится* (в значении ‘чудится, видится’), *блзниться* (в значении ‘показаться, мерещиться’), *послышаться*, *чудится*, *показалось*, *кажется*, *повидеться*, *привидеться*, *помутиться*, *представиться*.

«Сам летал по Руси, нахватался русского духу, тебе и *мерещится*, – ответила мать Ивана-царевича» [Кошей Бессмертный].

«Ну, если б подали к нему, *кажется*, и смерть бы была!» [Золотой конь].

«Половина ночи прошла, ему и *чудится*: в саду свет» [Иван-царевич и серый волк].

«И с той поры и ест – не заест и пьет – не запьет: все ему *представляется* стрелкова жена» [Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что].

«Млад Балдак заиграл веселую – у всех *разум помутился*; загляделись на него, заслушались, позабыли – зачем приехали» [Балдак Борисевич].

«Вот ей напиток-то хочется, а наклониться боится, чтоб не уронить ребенка. Вот *поглазилось* ей, что будто бы вода ближе стала. Она наклонилась, ребенок и выпал и упал в колодезь» [Косоручка].

«Орел говорит человеческим голосом, что “не стреляй, мужик, меня, бери меня в руки!” – Мужик что-нибудь будто бы *бластится*, не поверил тому...» [Чудесный противник].

«Вдруг *послышалось* старухе, кто-то говорит за печкой человеческим голосом...» [Мальчик с пальчик].

Группа «чудо – волшебство» в волшебных сказках не была представлена, так как сами явления волшебства и чуда не являются аномальными для авторов волшебных сказок. Также явление типа «колдун/волшебник колдует» (творит чудеса, волшебство) не аномально, так как исходя из определения волшебной сказки, колдун должен колдовать.

«Другие купцы, его не любя, королю доносят, што он волшебник, *волиует*: у его товар идет, а у нас нет» [Верная жена].

Как писал С. Ю. Неклюдов, в немногочисленном множестве психических состояний, которые нашли отражение в былинах, очень скромное место отводится чувству удивления, шока, которое в достаточной мере чуждо фольклорным персонажам. Мир сказки будет казаться совершенно нечудесным, если пытаться смотреть на него глазами героев [12].

В ходе исследования было установлено, что не все группы классификации Е. С. Поповой реализуются в сказках. Например, маркеры группы «Названия сказочных персонажей и сказочных объектов» не были выражены ни в одной из анализируемых сказок, что связано со спецификой жанра.

Маркеры ирреальности грамматического уровня в волшебных сказках

По данным исследования самым частотным маркером ирреальности на грамматическом уровне в волшебных сказках является сослагательное наклонение.

«– *Оседлали бы* вы добрых коней, *поездили бы* по белу свету, места познавали» [Иван-царевич и серый волк].

«А по обеим сторонам моста *росли бы* деревья с золотыми и серебряными яблоками» [Волшебное колечко].

«Без меня и век *бы* вы *спали*, братья милые, други родимые, – сказал им Иван Горох, прижимая к ретивому сердцу» [Сказка О Василисе, золотой косе, непокрытой красе, и об Иване Горохе].

Также были выявлены примеры ирреальности с использованием служебных слов *будто*, *как будто*, *словно*, *точно*.

«Чудо-юдо подхватил эти головы, чиркнул по ним своим огненным пальцем, к шеям приложил, и тотчас все головы приросли, *будто* и с плеч не падали» [Иван – крестьянский сын и Чудо-юдо].

«Снегурочка заплакалась по нем так сильно, *как будто* сама хотела разлиться слезами» [Снегурочка].

«А Финист ясный сокол опять целый день гулял по поднебесью, домой прилетел только к вечеру. Сели ужинать, красная девица подает кушанья да все на него смотрит, а он *словно* никогда и не знал ее» [Перо Финиста ясна сокола].

«Девица надела солнце-платье и вслед пошла, стала, так народ-то стоит, и попы все издивились, а от нее *точно* искры летят, как жар горит» [Вшивый кундук].

Кроме служебных слов *будто*, *как будто*, *словно*, *точно*, А. А. Кретов относит к маркерам ирреальности слова *якобы* и *как бы*. Однако в проанализированных сказках эти слова встречались чаще всего в сравнениях, не представляющих автору сказки ирреальными.

Исходя из результатов исследования, можно заключить, что в волшебных сказках на уровне грамматики именно сослагательное наклонение в наибольшей степени маркирует ирреальность. Это можно объяснить тем, что сама природа волшебных сказок напрямую связана с семантикой сослагательного наклонения, которое имеет круг значений, типичный для ирреальных наклонений, т. е. обозначает ситуации, не существующие в реальном мире.

Маркеры ирреальности лексического уровня в бытовых сказках

В бытовых сказках оказалось намного меньше маркеров ирреальности, чем в волшебных (ср. 8 % маркеров, относящихся к семантической группе

«удивление – странность», 9 % – «галлюцинации – видения»). Это обусловлено тем, что бытовые сказки стремятся чему-то научить слушателя или читателя, а не поведать о нереальных, вымышленных событиях.

В бытовых сказках на лексическом уровне преимущественно преобладают маркеры группы «галлюцинации – видения». Это можно объяснить самой сущностью бытовой сказки: такой тип сказок носит обличающий характер жадных, нечестных и злых людей, которым зачастую кажется, что некая высшая сила наказывает их за проступки.

К маркерам группы «галлюцинации – видения» относятся слова *показаться, чудится, повидеться*.

«– Чтой-то **показалось!** Кажись, я – Арина, а голова не моя! Пойду домой: коли собака залает, так я, значит, – не Арина» [Ленивая Арина].

«Береза ничего ему не отвечает, только скрипит, а дураку **чудится**, что она быка в долг просит» [Дурак и береза].

«Мужичок и говорит: – Стой, барин, стой, не лай! Это ведь не медведь, это нам **повиделась** кокура» [Баба-Яга и Лутонюшка].

Группа «удивление – странность» представлена в следующих примерах:

«– Вот уж не думала, что из топора эдакую добрую кашу можно сварить, – **дивится** старуха» [Каша из топора].

«– Ах, дураки набитые! – сказал Лутоня. Взял залез на избу, сорвал траву и бросил корове. Мужики ужасно тому **удивились** и стали просить Лутоню, чтобы он у них пожил да поучил их» [Лутонюшка].

Группа «чудо – волшебство» не представлена в бытовых сказках.

Маркеры ирреальности грамматического уровня в бытовых сказках

Самыми частотными маркерами ирреальности на грамматическом уровне в бытовых сказках оказались маркеры в сопровождении служебных слов.

«Семь бед – один ответ: **если** не по мне станет судья судить да засудит, убью и судью» [Шемякин суд].

«– **Если** нет ничего иного, можно сварить кашу и из топора. Хозяйка руками всплеснула: – Как так из топора кашу сварить?» [Каша из топора].

«Старуха сквозь слезы стала говорить ему: – Да вот **если бы** мы женили своего Лутонюшку, да **если бы** у него был сыночек, да **если бы** он тут сидел на загнетке, – я бы его ведь ушибла поленом-то!» [Лутонюшка].

«– **Если бы** ты меня засудил, так я б тебя убил» [Шемякин суд].

Маркеры ирреальности в сопровождении сослагательного наклонения встречаются реже. Возможно, это объясняется тем, что бытовые сказки достаточно

невелики по объему и в них не находится места для сослагательного наклонения, которое, как правило, предполагает изобилие придаточных предложений.

«– И то ведь, старуха! Ты **ушибла бы** его!.. Кричат оба, что ни есть мочи» [Лутонюшка].

Изучение категории ирреальности в русских народных сказках позволило по-другому взглянуть на сказочный мир. С одной стороны, для рассказчика говорящий медведь, улыбающаяся печка, летающие сани не являются аномальными в силу архаичности сказки и присутствия в ней ведического мировосприятия. Как писал Е. М. Мелетинский в своей работе «Герой волшебной сказки», мотивы, которыми обладает волшебная сказка, унаследованы ею от первобытного фольклора. При этом все внимание отведено точно не людям, а напротив, природным явлениям и животным [13]. Для современного читателя эти явления естественным образом превращаются в фантастическое, нереальное. С другой стороны, даже в сказке имеет место чудесное и удивительное.

Как показало исследование, в волшебных сказках на лексическом уровне преобладают маркеры ирреальности группы «удивление – странность» (*вздвигаться, удивиться...*). Это обусловлено тем, что без подобных маркеров мир сказки будет совсем нечудесным. На грамматическом уровне в волшебных сказках в большей степени представлено сослагательное наклонение, которое в данном случае отражает специфику сказки.

В бытовых сказках маркеров ирреальности существенно меньше. На лексическом уровне преимущественно преобладает группа «галлюцинации – видения» (*мерещиться, чудится...*), что объясняется обличительным характером бытовой сказки; на грамматическом уровне самыми частотными маркерами ирреальности являются служебные слова.

Семантическая группа «чудо – волшебство», которая ожидалась в обоих типах сказок, в итоге не встречается совсем. Все это позволяет глубже проникнуть в мир сказки, увидеть его глазами рассказчика и приблизиться к пониманию архаического мировосприятия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пропп В. Я. Поэтика фольклора / В. Я. Пропп. – М. : Лабиринт, 1988. – 352 с.
2. Пропп В. Я. Морфология сказки / В. Я. Пропп. – Л. : Академия, 1969. – 152 с.
3. Померанцева Э. В. Русская народная сказка / Э. В. Померанцева. – М. : АН СССР, 1963. – 128 с.
4. Ведерникова Н. М. Русская народная сказка / Н. М. Ведерникова. – М. : Наука, 1975. – 135 с.
5. Тодоров Ц. Введение в фантастическую литературу / Ц. Тодоров. – М. : Дом интеллектуальной книги, 1999. – 144 с.

6. Асмус В. Ф. В защиту вымысла / В. Ф. Асмус. – М. : Печать и революция, 1929. – II том. – 942 с.
7. Бабушкин А. П. Возможные миры в семантическом пространстве русского языка / А. П. Бабушкин. – Воронеж, ВГУ, 2001. – 86 с.
8. Попова Е. С. Маркеры ирреальности во французском языке : дис. ... канд. филол. наук / Е. С. Попова. – Воронеж, 2010. – 259 с.
9. Кретов А. А. Невозможное в русском языке / А. А. Кретов // *Linguistica Silesiana*. – 1993. – № 15. – С. 123–132.
10. Борискина О. О. Теория языковой категоризации : национальное языковое сознание сквозь призму криптокласса / О. О. Борискина, А. А. Кретов. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2003. – 211 с.
11. Кретов А. А. Сказки рекурсивной структуры / А. А. Кретов // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. I. – Тарту, 1994. – С. 204–214.
12. Неклюдов С. Ю. Культурная память в устной традиции : историческая глубина и технология передачи / С. Ю. Неклюдов // Навстречу Третьему Всероссийскому конгрессу фольклористов : сб. науч. трудов. – М. : Государственный республиканский центр русского фольклора, 2013. – С. 9–15.
13. Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки / Е. М. Мелетинский. – М. ; СПб. : Академия исследований культуры, Традиция, 2005. – 240 с.

ИСТОЧНИКИ

1. Афанасьев А. Н. Народные русские сказки / А. Н. Афанасьев. – М. : Государственное издательство художественной литературы, 1958. – 1080 с.
2. Барышникова А. К. Сказки А. К. Барышниковой (Куприяники) / А. К. Барышникова. – Воронеж : Кн. изд-во, 1955. – 124 с.
3. Зеленин Д. К. Великорусские сказки Пермской губернии / Д. К. Зеленин. – М. : Правда, 1991. – 656 с.
4. Королькова А. Н. Сказки / А. Н. Королькова. – Воронеж : Кн. изд-во, 1941. – 72 с.
5. Кретов А. И. Народные сказки Воронежской области. Современные записи / А. И. Кретов. – Воронеж : ВГУ, 1977. – 155 с.
6. Кузьмина Т. А. Вологодские сказки конца XX – начала XXI века / Т. А. Кузьмина. – Воскресенское, 2008. – 310 с.
7. Минц С. И. Сказки и песни Вологодской губернии / С. И. Минц, Н. И. Савушкина. – Вологда, 1955. – 267 с.
8. Ончуков Н. Е. Северные сказки / Н. Е. Ончуков. – СПб., 1908. – 562 с.
9. Разумова А. П. Поморские сказки / А. П. Разумова, Т. И. Сенькина. – Петрозаводск : Карелия, 1987. – 222 с.
10. Разумова А. П. Русские народные сказки Пудожского края / А. П. Разумова, Т. И. Сенькина. – Петрозаводск, 1982. – 367 с.

11. Соколов Б. М. Сказки Белозерского края / Б. М. и Ю. М. Соколовы. – Архангельск : Северо-Зап. кн. изд-во, 1981. – 333 с.
12. Худяков И. А. Великорусские сказки / И. А. Худяков. – М. : Издание К. Солдатенкова и Н. Щепкина, 1860. – 304 с.
13. Чудинский А. А. Русские народные сказки / А. А. Чудинский. – СПб. : Тропа Троянова, 2005. – 287 с.
14. Чистов К. В. Перстень – двенадцать ставешков. Избранные русские сказки Карельского края / К. В. Чистов. – Петрозаводск, 1958. – 274 с.

REFERENCES

1. Propp V. Y. *Poetika fol'klora* [Poetry of Folklore]. Moscow: Labirint, 1988. 352 p.
2. Propp V. Y. *Morfologija skazki* [Morphology of fairytale]. Leningrad: Akademiya, 1969. 152 p.
3. Pomerantseva E. V. *Russkaja narodnaja skazka* [Russian folk tale]. Moscow: AN SSSR, 1963. 128 p.
4. Vedernikova N. M. *Russkaja narodnaja skazka* [Russian folk tale]. Moscow: Nauka, 1975. 135 p.
5. Todorov Ts. *Vvedenie v fantasticheskuyu literaturu* [Introduction into fantasy literature]. Moscow: Dom intelektual'noj knigi, 1999. 144 p.
6. Asmus V. F. *Vzashchitu vymysla* [In defence of myth]. Moscow: Pechat' i revolyutsiya, 1929. 942 p.
7. Babushkin A. P. *Vozmozhnye miry v semanticheskom prostranstve russkogo jazyka* [Possible worlds in semantic field of Russian language]. Voronezh: VGU, 2001. 86 p.
8. Popova E. S. *Markery irreal'nosti vo frantsuzskom yazyke* [Markers of irreality in French language]. Dissertation. Voronezh: Voronezh State University, 2010. 259 p.
9. Kretov A. A. *Nevozmozhnoe v russkom jazyke* [Impossible in the Russian language] // *Linguistica Silesiana*. 1993. № 15. P. 123–132.
10. Boriskina O. O. *Teoriya jazykovoj kategorizatsii: natsional'noe jazykovoe soznanie skvoz' prizmu kriptoklasa* [The theory of language categorization: national language consciousness through the prism of cryptotype]. Voronezh: VGU, 2001. 211 p.
11. Kretov A. A. *Skazki rekursivnoj struktury* [The tales of recursive structure] // *Trudy po russkoj i slavyanskoj filologii. Literaturovedenie*. I. Tartu, 1994. P. 204–214.
12. Nekludov S. U. *Kul'turnaya pamyat' v ustnoj traditsii: istoricheskaya glubina i tekhnologiya peredachi* [Cultural memory in oral tradition: the history and ways of transfer] // *Navstrechu Tret'emu Vserossijskomu kongressu fol'kloristov*. Moscow: Gosudarstvennyj respublikanskij tsentr russkogo fol'klora. 2013. P. 9–15.
13. Meletinskiy E. M. *Geroj volshebnaj skazki* [The hero of fairy tale] / Moscow / Saint-Petersburg: Akademiya Issledovaniy Kul'tury, Traditsiya, 2005. 240 p.

SOURCES

1. Afanasiev A. N. *Narodnye russkie skazki* [Russian folk tales]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoj literatury, 1958. 1080 p.

2. Baryshnikova A. K. *Skazki A. K. Baryshnikovo* (*Kuprijanikhi*) [A. K. Baryshnikova's (*Kuprijanikha's*) folk tales]. Voronezh, 1955. 124 p.
3. Zelenin D. K. *Velikorusskie skazki Permskoj gubernii* [Great Russian folk tales of the Perm governorate]. Moscow: Pravda, 1991. 656 p.
4. Korolkova A. N. *Skazki* [Fairy Tales]. Voronezh, 1941. 72 p.
5. Kretov A. I. *Narodnye skazki Voronezhskoj gubernii* [Folk Tales of the Voronezh Governorate]. Voronezh: VGU, 1977. 155 p.
6. Kuzmina T. A. *Vologodskie skazki kontsa XX – nachala XXI veka* [Vologda fairy tales of the late XXth – early XXI century]. Voskresenskoe, 2008. 310 p.
7. Mints S. I., Savushkina N. I. *Skazki i pesni Vologodskoj gubernii* [Fairy tales and folk songs of the Vologda governorate]. Vologda, 1955. 267 p.
8. Onchukov N. E. *Severnye skazki* [Northern Folk Tales]. Saint-Petersburg, 1908. 562 p.
9. Razumova A. P., Senkina T. I. *Pomorskie skazki* [Fairy Tales of Pomorie]. Petrozavodsk: Karelia, 1987. 222 p.
10. Razumova A. P. *Russkie narodnye skazki Pudozhskogo kraja* [Russian Folk tales of the Pudozhsky District]. Petrozavodsk, 1982. 367 p.
11. Sokolov B. M., Sokolov Y. M. *Skazki Belozerskogo kraja* [Folk Tales of the Belozersky District]. Arkhangelsk: Severo-Zapadnoe knizhnoe izdatelstvo, 1981. 333 p.
12. Khudyakov I. A. *Velikorusskie skazki* [Great Russian Fairy Tales]. Moscow: Izdanie K. Soldatenkova and N. Shchepkina, 1860. 304 p.
13. Chudinskij A. A. *Russkie narodnye skazki* [Russian Folk Tales]. Saint-Petersburg: Tropa Trojanova. 2005. 287 p.
14. Chistov K. V. *Persteniok – dvenadsat' staveshkov. Izbrannye russkie skazki Karelskogo kraja* [Finger-ring – twelve shutters. Selected Russian fairy tales of Karelia]. Petrozavodsk, 1958. 274 p.

Воронежский государственный университет
Подтележникова Е. Н., кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретический и прикладной лингвистики
E-mail: podtelezhnikova@yandex.ru

Штапов А. В., студент
E-mail: a-shtapov@mail.ru

Voronezh State University
Podtelezhnikova E. N., Candidate of Philology, Associate Professor of the Theoretical and Applied Linguistics Department
E-mail: podtelezhnikova@yandex.ru

Shtapov A. V., Student
E-mail: a-shtapov@mail.ru